

ИЛЬЯ МАГИН

Биржай и его восточные окрестности: языковой очерк

Современная языковая ситуация

Биржай находится в центре северной границы Литвы. Звучит здесь преимущественно литовский язык, и в целом это район наиболее однородного этнического состава. На западе довольно близко расположена Жемайтия (Самогития, Жмудь), которая входит в состав Литвы, но говорит на самостоятельном языке – родственном литовскому и латышскому, но непонятном ни литовцам, ни латышам. Хотя Биржай принадлежит Аукштайтии, на местных литовских говорах сказываются и жемайтское, и латышское влияние; например, разница между долгими и краткими гласными здесь слышна гораздо яснее, чем в восточно-аукштайтских диалектах, а окончания стяжены, как в латышском и жемайтском. Вот характерный пример:

Vabalinink vien žmogs irgi yra karaimas... Šeriális jam pavardė. (В Вабалининкасе один человек тоже караим. Шярялис ему фамилия).

(Зап. в Биржае, от жен., 1920 г.р. Соб. И. Магин¹)

Литературные формы были бы: *Vabalninke vie-nas žmogus* и т.д.

По-литовски эту местность называют *Pažemaitija* – Поджмудье. По картам граница двух литовских (т.е. аукштайтских) говоров проходит в 10 км к востоку от Биржая. Говор самого Бир-

жая относится к паневежской группе, а ближайшие к Биржаю местечки, расположенные на 20–30 км восточней – Папилис и Панделис – принадлежат уже другой группе – купишкской². Заметим, что эта условная граница говоров продолжается и на латышской территории, где им соответствуют исторические Земгалия и Аугземе (Селия), – самые эти слова значат то же, что литовские «Жемайтия» и «Аукштайтия» – «нижние и верхние земли» (см. карту). На практике эта граница проявляется в сильной вариативности местных литовских говоров – в другой деревне говорят иначе и сами жители хорошо различают свой вариант от соседских. Вообще, когда речь здесь заходит о родном наречии, то говорят не про биржайский или паневежский говор, а про родную деревню:

А с соседкой нашей вы как разговаривали? По-литовски? По-русски-то она ни бум-бум. <...> Как раз она по-нашему. Pandėlio tarmė tokie. Pundėlio naša sama tarmė tokia: «Korva ku mano!», не karvė – korva. (Пандельский говор такой. Пондельский³ наш самый такой говор: «Корова где моя!») – так говорят не «корова» – карве, а корва).

(Зап. в Апошче, от муж., 1941 г.р.)

Граница с Латвией проходит по речке Нямунелис (латышск. Мемеле), но препятствием река не

служит. В приграничных деревнях население двуязычно – кроме литовского владеет и латышским.

Ne, nu ta prasme, aš kaime gyvenu. Ir ten tokių atvažiuoja iš, pavizdžui, nuo Pučio kaimės, ten yra, pats šiauriausias tāsķas. Ten tos kaimos ir dabar žmonis visi latviškai daugumoj šneka. Nesvarbu, kad jie Lietuvoj gyvena. Tai aš ten sutinkime į pažįstamą taip, taip jau iš kartų latviškai, juokių ten lietuvių šnekę nėra. (Ну, я вот в деревне живу. И приезжают, например, из Пучакалне – это самая северная точка у границы. Там, в той деревне и сейчас люди в большинстве по-латышски говорят. Не важно, что живут в Литве. Вот мы встречаемся там со знакомыми, так сразу по-латышски, – литовского разговора там нет).

(Зап. в Биржае, от муж., ок. 50 лет)

До войны в Биржае была латышская школа. После евреев и поляков, латыши были третьим по численности меньшинством.

Табл. 1. Национальный состав Биржая по переписи населения 1923 г.⁴

национальный состав	мужчин	женщин	всего	в процентах
литовцев	1 445	1 523	2 968	55.8%
евреев	812	995	1 807	33.8%
поляков	105	120	225	4.2%
латышей	84	103	187	3.5%
русских	23	36	59	1.1%
немцев	15	28	43	0.8%
белорусов	1	–	1	0.02%
всего:	2 500	2 815	5 315	100%

Ну а была латвийская школа, потому что Латвия рядом же – двадцать километров. Отец мой говорил хорошо на латвийском, потому что он ездил в Ригу покупать и продавать, и... Так-то ж был основной его доход в жизни-т.

(Зап. в Биржае, от муж., 1926 г.р. Соб. О. Белова, И. Копченова, И. Магин)

Сейчас поляков в Биржае почти нет⁵, до войны же их было весьма немного, в основном, это были землевладельцы. (Тут нужно иметь в виду разницу между глубиной вроде Биржая и, с другой стороны, Вильнюсом и прочими восточными территориями, которые исторически были в большой

степени польскоязычными, а к тому же между Первой и Второй мировыми войнами пережили польскую оккупацию).

Положение русского языка

Кроме литовского языка здесь сохраняется русский – в качестве регионального неродного языка. Он распространен и используется не так широко как на юго-востоке, но старшее поколение (примерно от 35 до 60 лет) говорит на нем достаточно свободно, младшее – скорее, понимает.

Там и русских больше в Зарасах. Вот теперь и в Рóкишках больше, а уже поедь в Биржу – там уже máло, máло русских, там больше по-литовски. А в Рóкишкис рáньше была магазин, придёшь – мóгишь по-русски спрашивать и все литовцы говорили по-русски, всё это после войны. А этава, а в Биржу уже меньше. Ну, видишь, они шьлі с этой стороны, эти все староверы и всéх эти после войны и до Биржи máло попáло, все остановлялись поблизости.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1935 г.р.)

У молодых людей русский оказывается в пассивном состоянии, поскольку в качестве межнационального языка в моде английский (прежде всего, во внутрибалтийском общении – с латышами и эстонцами). Можно сказать, что сейчас русский распространен здесь чуть шире, чем 100 лет назад, когда евреи – извечные медиаторы – ездили по деревням скупать конский волос, а литовские крестьяне прятали под подушкой запрещенную азбуку и молитвенник⁶: «Русский язык здесь был исключительно языком полиции и прочей власти»⁷.

Кроме того, в Биржайском районе сейчас есть и старожильческое русское население. По данным переписи оно невелико (55 чел. староверов и 119 чел. православных⁸) и проживает компактно, преимущественно в деревнях – в староверских Федаришках (Kvedariškai) только два литовских дома, остальные – русские. В Апóшчу (Араščià) литовцы стали переселяться после Второй мировой войны, когда часть домов опустела:

Инф: *Туго-ка в этой Апашче жили одно русские. Это уже после Первой мировой...*

[Началось смешение?]

Инф: *Да. Потому что одни были выехадци обротно в Россию, здесь землю имели и всё, потом России как вернулись, уже тую землю им только што половину отдали, когда война кончилась. И уже были литовцы.*

(Зап. в Апошче, от муж., 1941 г.р.)

В православной деревне Лебенишки (Lėbėniškiai) также живут преимущественно русские. Православные и староверы, насколько можно судить, не поддерживают контактов. При этом русские говоры – и те, и другие – отличаются от зарасайских и больше похожи на русские говоры Латгалии. И литовские, и русские говоры биржайской округи насыщены полонизмами: в русском это *мурёный*, *мурованный* (кирпичный), *фляңцы* (саженцы), *ипак* (грач), а в литовском: *plėncai* (в литовских говорах нет [ф]), *įmti šliūba* (жениться) и даже *pinčiai* (штаны, подштанники). При этом, как было сказано выше, поляков в Биржае и окрестностях нет, до войны было весьма мало⁹, и польский язык (в отличие от востока) не известен и не используется.

Нации и конфессии

Общий состав населения за последние 100 лет изменился: ассимилировались или уехали немногочисленные поляки, перед Второй мировой войной выехали немцы, евреи – основное меньшинство – были уничтожены. Остались, вроде бы, караимы (впрочем, ряд источников указывает на их полную ассимиляцию еще в межвоенный период), русские и литовское большинство. Все это население постепенно смешивается:

Visokių yr tenai: ir reformatų, ir katalikų, ir yr do ir rusų prisimaišusių. (Всяких тут есть: и реформатов, и католиков, и русских есть примешавшись).

(Зап. в Апошче, от жен., ок. 80 лет. Во втором примере соседи-староверы характеризуют ее как носительницу образцового пондельского говора).

Кроме национального деления в Биржае важно конфессиональное – большинством здесь были реформаты, что необычно для католических Литвы и Жемайтии (но обычно для соседней Латвии). Реформатов здесь называют *бумбизы*, *bumbizai*¹⁰, причем в сельской речи можно нередко услышать противопоставление *lietuviai* (литовцы) и *bumbizai* (реформаты):

Инф. 1: *Мы уже здесь по-литовски больше... больше разговариваем. [Да, и в доме больше по-литовски разговариваете?]*

Инф. 1: *Ну так и ўнуки приезжают, ну.*

[Ага. А они все по-литовски больше?]

Инф. 1: *Да.*

Инф. 2: *У нас три сына, а нявестки – все литовки.*

Инф. 3: *Ne vīsas, algī bubmīstka letīvē? (Не все, али бумбистка – лятовка?) [общий смех] Bumbistka irgi letīvē? (Бумбистка разве же лятовка?)*

[Iš reformatų, ta prasme? (Из реформатов, то есть?)]

Инф. 1: *Ne-e! (Мы-то нем!)*

Инф. 2: *A, iš reformatų tai turim mes, turim. Viena reformatė, viena katalička, žemaitė vienà. (А, есть у нас из реформатов, есть. Одна [невестка] реформатка, одна – католичка, одна – жемайтійка¹¹).*

(Зап. в Апошче, от Инф. 1 – муж., 1941 г.р., Инф. 2 – жен., 1941 г.р., Инф. 3 – жен., ок. 35 лет).

Латышей здесь дразнят традиционным для всей Литвы прозвищем «конская голова» (“zirga galva”):

Zirga galva. O tie leišai, leišai ant mūsų. Leišais da vadindavo. Lietuveišiai vadinas latviškai, nu, tai lietuviai, a jie sutrupė tai – lėišiai. A nepatikdavo lietuviam. (Зирга галва – лошадиная голова. А те – лэйши, лэйши на нас. Лэйшами называют. Лиетувейшей называются литовцы по-латышски, ну а те сокращают – лэйшей. А литовцам-то не нравилось).

(Зап. в Биржае, от муж., ~1965 г.р.)

Кроме «лейшей»¹² для литовцев есть и другое прозвище – «черноспинные»:

Latvai *zirgu galvas* vadiname. Latviai lietuvius vadina juodnugariais, juodmuragiais. <...> Todėl kad mes, nu, lietuviai, atsimena, irgi budavo, tarkim, po kara latviais laik geriau gyveno, ir lietuviai, da, pas juos griovių kast' dirbt. Nu todėl turbūt ir nuo to. Aš manau, kad nuo to. Mes tipo kaip paučiainikai (?). Vės tas ir nuo taip juodnugariai. Juoda kaip, kaip: **melnais [netirib] ra muguru**. (Латышей называем **зиргу галвас** – лошадиные головы. А латыши литовцев дразнят юоднугарей – черноспинными. Думаю, потому что после войны латыши лучше жили, и литовцы у них канавы копали. Ну вот с того, наверное. Мы у них типа как батраки. Черное как: **черная грязь по спине**. (жирным выделены латышские фразы)).

(Зап. в Биржае. от муж., ок. 50 лет)

В обоих случаях дразнилка произносится на чужом языке – чтобы было понятнее.

Русских называли гудами (в литературном языке это слово обозначает белорусов):

В Кучгальях были прозванные гуды – *gudai*. Бывало в школу ходили, рябятимы были, так проходить не дают: гуда-гуда-гуда – ругают так. А в Рокішкам районе – *maskoliai*. Маскóлям называют. Руське, не руське, а маскóли. Ребятам были, так говорили, что: *Basliai netašyti, į žemę jų varyti* (досл. колы нетесанные, в землю их вогнать). Нечёсанные и в землю.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1932 г.р.)

По рассказам, это происходило так: литовские дети кричали старOVERским: «Gudas, prišiks trys pudas» (русский, настрет три пуда). На что русские дети находчиво отвечали: «a baslis suvalgis» (а кол – т.е. литовец – съест)¹³.

Наконец, прежде, чем перейти к евреям, нужно упомянуть в этническом составе и цыган:

Инф.: А мне кáжетса, что всё пáрные (=одинаковые), и ру́ськие, и литóвцы. Жи́ды только чóрные.

[Чёрные?]

Инф.: Да.

[Ну, не обязательно.]

Инф.: Йони́, ну, лицó не чёрные, а всё вóлосы у йих чёрные. Вот. Тык вот.

[А они говорили по-русски?]

Инф.: Угу. По-ру́ски, тóка ня ч́исто.

[По-своему как-то?]

Инф.: М-м, ётаво, акц'э́нт у йих бы́л такóй какóй-то.

[А какой?]

Инф.: Ну как тебе сказа́ть? Малéнько такіе как бы́дто шепяля́вили так.

[А вы можете показать, как это?]

Инф.: <смеется> Не, как я покажу́? Как цыга́не тóже гова́рят ня, ня т́ак п́авильно, ни по-литóвски, ни по-ру́ски, так и жи́ды.

[А я не слышал как цыганы говорят. Тут, в Литве?]

Инф.: Да! Тапéрь ня ста́ло, а ра́ньше – бо́же мой! как оны́ тут э́здили, и с коня́ми, и вози́ли всё пэ́рдава́ли (=продавали)...

[Да?]

Инф.: И ку́рочку проси́ли, и яи́чэк, и всево́-чаво́. И быва́ло ле́том, так погляди́шь в ку́стах – ихные балага́ны э́ты наста́влена. Бы́ло мно́го-мно́го их. А тяпéрь как-то большинствó они то́лько в Па́нявэ́же, а мо́же и в Ви́льнюсе йи́хные э́стя та́боры та́и всё.

[Да, я слышал.]

Инф.: А так по дере́вням, по дере́вням тепéрь не гора́зд э́здяют.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1935 г.р.)

Для евреев никакого специального прозвища местные жители не помнят. По-русски их называют *жидами*, впрочем, в Федаришках один раз слышана присказка:

Я́ўрей – сдохни скорей.

(Зап. в Федаришках, от жен., 1935 г.р.)

По-литовски: *žydėlis* (еврейчик), *žydokite* (еврейка), *žydauka* (еврейка).

Инф.: Ateidavo toks žydėlis su kromėli, nešoj, nasadindava unt krumelis, nu, pam(=na)šai kaip

šitas, va. (Приходил такой еврейчик с торбой, носил в торбе, ну похожей как эта вот.)

[Как рюкзак такой?]

Инф.: *Tik didesnis. Nu tai si... prisidėjo, jis guziau kuš pulavė, siulu tenin, nušilto ten adatų tenai, nu, i nešoj palig žmonius. Nu įkalbu žmonėm kaima, kaimų žmonės a nėturėjo maštinų, nėturėjo kitus ir arga – nuperkė šija. Tai ji ar pragyvindavo. Viena kart toks žydėlis atėjo i pas mum nakvojė, mes kaime gyvenam. Buvo didėlis stengėmis, jis po mežiais atsigulais ir gulė. O tėtė pjamu dobilus, labai šilt buvo, taip jam sunk tada bila pjaut'. Nu saka ji duoš, saka: gul', valuojs, nepadėda man pjaut', saka. Mes ir pusrytį jam davėm. Tai jis sako pīlais ja su šalt vandėnį ir apie pyla. «Oj, tiutiui! Oj, tu pasiutėli, pasiutėli, ku ta pataribent su šalt vandėni apie pyla, aš apsirgt galiu, aš plauč' uždajimu (=uždegimu) galia gaut». Ir išėja tada. (Только побольше. Ну и вот, приходил с нитками, там иголками. Ну и продавал людям в деревне. У деревенских людей [швейных] машин не было, ничего такого не было, вот и покупали это. Тем и жил. Один раз такой еврейчик к нам зашел и у нас ночевал, где мы в деревне жили. Была большая страда, он на меже разлегся и лежит. А тятя косил клевер. Очень жарко было, так ему было тяжело косить. Ну, говорит, дает, ну: лежит, валяется, не помог мне косить, говорит. Мы и завтракать ему дали. Так он, говорит, облил его холодной водой ливмя. «Ой, тютю! Ой, ты злодей, злодей, шо ты воддой меня холодной облил, я же простыть могу, я же воспаление легких могу схватить». И ушел тогда.)*

(Зап. в Биржае, от жен., 1920 г.р.)

Зато друг для друга у евреев было достаточно прозвищ. Кроме самого Биржая, евреи жили в ближайших к нему местечках: Посволь (Pasvalys), Вабалинк (Vabalninkas), Пандель (Pandėlys)¹⁴. Биржайских называли «биржер кручikes» (*биржайские крючки*), посвольских – «посвалер ганейвим» (*посвольские воры*) вабалнинкских – «вабольникер росл» (*вабалнинский квас*)¹⁵ и «вабалнинкер морер» (горькая трава, которую едят на Песах). И так далее от рокишкских цимбалистов

(рокишкер цимблерс) на востоке, купишкских дураков или мудрецов (купишкер нароним/хахомим) – на севере и до паневежских куроедов (паневежер хинер-фресерс – это значит, что в Паневеже жили богато) и «паневежер зимзес» на западе округи (что это слово значило, никто уже и не помнил) и обратно к Биржаю – до пумпянских сумок (пумпянер торбес)¹⁶.

Идиш

Перед Второй мировой войной основным этническим меньшинством в Литве были евреи. По переписи 1923 г. в самом Биржае евреев было чуть больше 1/3 населения (1807 человек)¹⁷. О еврейском населении здесь известно с конца XVI века, когда граф Криштоф Радзивилл I издал указ, лишивший местных католиков и иудеев (сам он был реформатом) прав гражданства. С 1623 г. Биржай уже упоминается в еврейских хрониках (в частности в «Пинкас медине Лите») ¹⁸. Ко времени межвоенной независимости Литвы идиш был вторым по численности языком региона.

По лингвистической классификации еврейские говоры этой территории входят в северо-восточную диалектную группу (NEY), охватывающую территорию Литвы и Белоруссии (за исключением исторической Курляндии)¹⁹, и составляют то, что называется «литвакским идишем», или *litviš jidiš*.

Во внутрилитовском членении (не включающем Белоруссию, также принадлежащую к NEY) противопоставляются три группы идишских говоров: южные (Литва/Lite), северные (Жемайтия/Za-mut) и западные (Курляндия/Kurland). Собственно Литва еще подразделяется на два субдиалекта: *suvalker jidiš* (ковенский регион) и *stam-jidiš* (восток Литвы)²⁰.

В еврейской географии Биржай был частью Замута (т.е. Жемайтии). Лингвистически же он, скорее, был западным рубежом *stam-jidiš*.

При этом литовский и идиш были основными языками этой территории, ни русский, ни поль-

ский не имели большого распространения: «Большинство довоенных литуанизмов в идише происходят из Жемайтии и Пажемайтъя – Шауляя, Паневежиса, Биржая, Пасваля. Оно и понятно: на западе и севере Литвы, вдалеке от восточной этнографической границы, литовский язык оказывался единственным, с которым соприкасались евреи. Нельзя того же сказать о восточной и южной Литве, близкой тогда к Польше. Там литовский вступал в конкуренцию с польским, и большинство литовских крестьян говорило по-польски»²¹.

О том же свидетельствует и единственный биржайский еврей, Шефтель Меламед – к 14 годам он учился в еврейской школе (на идише) и знал литовский, русский же он выучил, попав во время Второй мировой войны в Марийскую АССР:

Тут основное время – так это литовский, а русский – так это я получил в России, за четыре года, которые я там.

Ты представляешь, я четырнадцать-пятнадцать-летний мальчик, мне жизнь перэвернулася, эта Россия меня... вот за чтыре года мьне... Я уехал, так не... по-русски, только видал тут, как русские солдаты танцевали казачки и третья, я же и не смог через год говорить. А там когда уехал – всё! Ты сидишь и ты... они по-русски говорит, ты... показывает руками... ну и я... цярез полгода я уже свобод... – нет, не свободно, но общаться всё на русском языке.

(Зап. в Биржае, от муж., 1926 г.р. Соб. О. Белова, И. Копченова, И. Магин)

Каково было положение идиша в независимой межвоенной Литве, можно судить по одной цитате из работы Юдла Марка о литовском идише: «Прежде всего – Литва была едва ли ни единственной страной, где вся еврейская жизнь, всех слоев, всех социальных групп, была охвачена одним языком. Бедные и богатые, приверженцы идиша и даже его противники, молодые и старые – все пользовались идишем. Во всех домах звучал один язык. В период независимости Литвы ситуация была куда более благоприятна для идиша,

чем перед Первой мировой войной. Число семей, где для каждодневного общения сохранился русский или позже был воспринят литовский или же, не смотря ни на что, употреблялся иврит, – таких семей было ничтожно мало. В Литве идиш был сильнее, чем в Латвии, всеохватней, чем в Вильне. Диалектные различия в этот период стремительно стираются»²².

Что стало с идишем после Второй мировой войны, можно видеть из рассказа Шефтеля Меламеда о том, что при людях он избегал говорить на идише:

Знаешь, сидят много или людей, или там что третьего – не будешь [=разговаривать на идише], когда ты литовцы сидят. Вот это есть самое основное, сто(=что) я забыл. Я с братом, ми же между литовцем. Так ти што, будешь говорить на йидиш, когда ты стоят хот один литовец? Ведь надо же, чтоб он знал, ш кем ты ра(з)говариваешь. И поэтому так и получилось. Пока ещё вот был этэ Кербели тут жили и тут некэ... несколько евреев, так, <одно> слово мог ещё сказать, перэговорить на идиш. Но они сами все, которые вернулись из России, русофобы все стали – на русском языке [нрзб]. Так вот и-они смеялись, что это они – ты за чтыре года уже не умеет, говорят, на своём языке. Ну, я так. Они вка.. укалывали нам: так посем(у) вы не говорите на своём языке?

(Зап. в Биржае, от муж., 1926 г.р. Соб. О. Белова, И. Копченова, И. Магин)

Балтийский идиш

Для рафинированного курляндского еврея, весь юго-восток был един и назывался Замет, «любой чужак назывался *заметер*, даже если он приехал из Кишинева или Иркутска»²³. «Всякого еврея, будь он с Украины или из Румынии, курляндские евреи называли жмудской свиньей, а замутские евреи, в свою очередь, – индюком курляндским»²⁴. Таким образом, весь мир курляндского еврея делился на Замет и Курляндию. Литовские говоры идиша считались грубыми (а сами

замутские евреи – грубиянами): «Литовским евреям при звуках речи евреев польских кажется, что те поют»²⁵.

Балтийский идиш хорошо описан в общих чертах, но не изучен детально, и теперь это уже довольно сложно сделать. Единственный проект картографирования говоров Литвы был начат поздно, в 1990-е гг., и остается пока незавершенным²⁶. Ниже будут перечислены самые общие характеристики литовского идиша, но следует иметь в виду, что за ними кроется множество частностей, к этим обобщениям не сводимых, недаром большинство исследователей либо писали без примеров, либо описывали говор конкретного местечка, избегая обобщений.

Наиболее яркая и повсеместная черта литвакского идиша – «сабесдикер лосн» – смешение ш/с, ж/з, ч/ц²⁷. «Сабесдикер лосн» (что можно примерно передать как «шубботный язык») – шибболет литваков и предмет неизменных острот со стороны евреев польских, галицийских и пр. Проявлялась эта черта на всей территории литвакского идиша (включая Белоруссию и часть Украины), но везде на свой манер²⁸. Если, например, уроженец Пилвишек (Pilviškai) под Мариамполем (Marijampolis) в южной Литве пишет, что в его говоре всегда четко произносятся [ž], [š] и [č], то это означает, что они регулярно вытесняют [s], [z] и [c] – «самая характерная черта нашего говора – это žix вместо zix (-ся, себя)»²⁹. В других случаях можно слышать на месте [š] и [s] некий средний звук³⁰, или противопоставление твердого [š] и мягкого [ṣ̌]³¹, или же – чаще всего – перестановку шипящих и свистящих: «Ix red engliš un rušis ejx (я говорю по-английски и по-русски)», – сказала мне дама лет 50 в Вильнюсе летом 2014 г. Выходец из ближайшего к Биржаю Панделиса не смешивает [z] и [ž], но заменяет все [s] и [š] на [ṣ̌], а все [c] и [č] на [c], и о родном местечке говорит «Pándeliš, Rókiškiš apškritis» вместо «Pandélus, Rokiškis apskritis» (Панделис, Рокишкис округ)³².

Собственно и сам Биржай на идише называется и Бирж, и Бирз. Любопытно, что хотя в идишской

речи Шефтеля Меламеда (уроженца Биржая) [ш] и [с] смешиваются редко, зато в его русской речи эта черта очень заметна:

Я бо́ля стремілся к швѣтской жи́знья (=светской жизни), а не к этай. Мне, знáешь, ви меня загна́ли в у́гол, потому что спра́шиваете мне то́лько про эврѣйские, как это.. И думаете, что я ра́бин был или что.. Я говорю – я ломался в швецкую (=светскую) старину́ (=сторону), а не в это в тѣмное в ету еврейскую жизнь.

Как указывает ряд источников, в 1920–1930-е гг. в Замуте происходила стремительная утрата «сабес-цолнт-лосн» (еще одно название того же явления), очевидно, из-за стандартизации образования³³, и в поздно усвоенном Ш. Меламедом русском отразилась черта, которая в его идише была исправлена школой (с этим предположением никак не согласуются данные НОНС, демонстрирующие большое разнообразие и витальность «сабесдикер лосн» в речи сверстников Меламеда, записанной в 1960–1970-е гг.). Но и у него можно встретить смешение [c]/[č]:

Majn táte gev'én zéjer a friújer [sic!] méncer. Jéder tog fl'égt far tfilim (=tilim) zógn in a.. jóbnt.. nu vi?.. (Мой отец был очень набожный человек – mencer или tenc er вместо tenč (er). Каждый день хаживал молитвы говорить в эту... ну как ee?)

(Зап. в Биржае, от муж., 1926 г.р. Соб. О. Белова, И. Копченова, И. Магин)

Здесь слышны и другие черты, свойственные именно литовскому (и латгальскому) идишу в целом: смягчение согласных: (gev'én, а не gevén, fl'égt, а не flégt). Это признаки, общие для любого литвакского говора, общие черты северо-восточных диалектов.

В целом³⁴ речь Шефтеля Меламеда характерно литвакская, он произносит [ej] на месте нормативного [oj]: *šejn, teyg* (zi af kapores), *gekejft*. Это черта, считающаяся основным признаком *stam-jidiš*, т.е. говоров восточнее Замута, в Замуте говорят *gekeuft* и т.п.³⁵:

In zúntik ix gev'én do a mít di mílxóme šejn... di dajčn iš (=z) gev'en sejgn (В воскресенье я был там с войной уже... Немцы продвинулись).

Aš... hob gehobn kajn gen[l?]t, hob gekejft di f... (=flejš) (Я... у меня не было денег, я купил м... (=мясо)).

(Зап. в Биржае, от муж., 1926 г.р. Соб. О. Белова, И. Копченова, И. Магин)

Перескочив от фонетики к синтаксису, можно назвать еще одну яркую черту балтийского идиша – деепричастные конструкции, которые могут относиться не только к подлежащему (как в нормативном идише), но и к дополнению³⁶.

Вот пример, допустимый и в литературном языке:

Kúmendik af vokzál, hob ix gefúnen še der vokzal iz švarc mít m'énen – fun idn. (Придя на вокзал, я обнаружил, что вокзал черен от людей – от евреев).

(М.Я. Варкул из Шауляя. НОНС (12) 37: С. 6 (0:06))

Следующий пример – специфически балтийский:

Hobn zi gezogt: éjder štarbm in der v'ég iz beser štarbn ba zix in štétl. Mir hobn zi getrofn afn veg gejeindik zurik. (Они сказали: чем умереть в пути, лучше умереть у себя дома. Мы встретили их, идя назад)

(А. Урбах из Дутишок (Dutiškis) под Свенцями. НОНС (12) 117: 1(0:05))

А вот пример совсем уж балтийский, но в литературе не описанный, здесь нет подлежащего, к которому бы относилось деепричастие, оно само выступает в роли обстоятельства с подразумеваемым субъектом:

Kumendik in Baštic, zajnen šen gev'én plejtim fun Salánt un fun Drubján. (Приехав [=когда мы приехали] в Башицу [Barstyčiai], там уже были беженцы из Саланта [Salantai] и Друбян [Darbėnai])

(Б. Герб из Салантая. НОНС (12) 170: С. 3 (0:03))

Едва ли не заметнее многого прочего привычка литваков выбирать направлятельные предлоги – редко можно услышать *kejn (kin)*, *noh (nax)*, почти всегда будет использовано *cu, in, biz* или *af*:

Der mašinist, afštót cu f'irn unz in, vu er hejst, in Rusland, hot er unz g'ev'élt f'irn dernox curik in Dv'insk! (Машинист, вместо того чтобы везти нас в, куда должен был, в Россию, повез нас обратно в Двинск!)

(Х. Бен-Йосеф (Борканас) из Утяны. НОНС (12) 34: С. 5(0:09)).

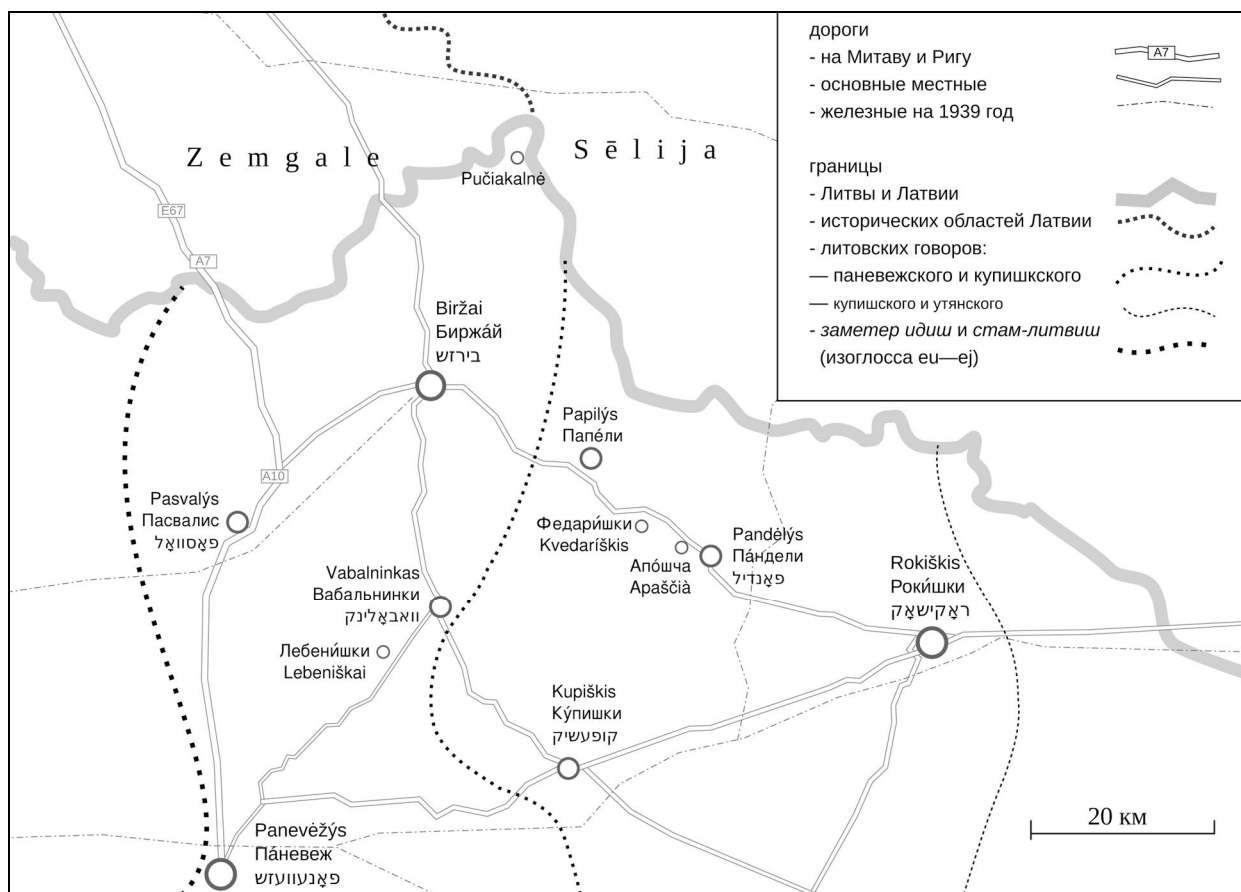
Языковое взаимодействие

В самых общих чертах можно сказать, что идиш опирается на местные балтийские языки. Трудно объяснить, например, существование в заметеридише долгих и кратких иначе, чем влиянием жемайтйского и латышского, в которых долгота и краткость гласных выражены сильнее, чем в литовском. Как можно видеть на карте, лингвистические границы заметеридиш и стам-литвиш (т.е. жемайтйского и литовского идиша) примерно совпадают с границами Жемайтии и Аукштайтии.

Также карта показывает, как двигалась на запад граница Жемайтии и Аукштайтии. Если литовские диалекты и границы исторических областей Латвии дают наиболее раннее положение, то лингвистическая граница замутского и литовского идиша показывает уже следующий этап перемещения границы к западу. Современная граница Жемайтии находится еще западней.

С балтийским же влиянием, скорее всего, связано и позиционное смягчение ряда согласных в литвакском идише ([m'enč] вм. [menč], [av'ek] вм. [avek] и т.д. – собственно, всех, кроме [r], [l] и сибилантов), поскольку в русских старожильческих говорах Литвы наблюдается то же самое смягчение: «русские» произносятся [ru's's'k'ə], а не [ru'sk'ə]. Окружением проще всего объяснить и более частные явления, например, переход в сувалкском идише [l]>[ũ].

Окрестности Биржая. Написание בירזש преобладает в научной литературе на идише, начиная с 1930-х, как единственный, отражающий нормативное произношение «ж» (см., например, *Kagan B. Jidiše štet, štetlex un dorfiše jišuvim in Lite biz 1918. NY, 1991. Z. 44.*)³⁷

Причем, идиш зашел в сближении с балтийскими языками заметно дальше, чем русский – в литвакском идише средней род полностью утрачен (в балтийских языках его нет)³⁸, и сходный же процесс разворачивается в русских старожильческих говорах Литвы³⁹. Примечательно, что Александр Вольпе, выходец из Каунаса, рассказав школьный анекдот о путанице трех родов в немецком, говорит о русском знакомом:

Vajl er k'en nit unteršėj(d)n, ven me darf zogn vājbl'ixes gešléxt, o menl'ix'es o zéx'l'ixes. Vajl in

rušiše šprax i(z) nito ale draj. (Потому что он не мог различить, когда нужно говорить [по-немецки] в женском роде, а когда в мужском или среднем. Потому что в русском языке всех трех [родов] нет).

(НОНС (12) 7: С. 28–29 (0:57))

На фонетический состав балтийские языки влияния не оказали – и русский, и идиш сохраняют ряд фонем в литовском и жемайтском неприемлемых, прежде всего, [f] и [x] – что видно по одному названию деревни Федаришки, которая

по-литовски называется Kvedariškis. В идише к тому же сохранился картавий [г].

Лексическое взаимообогащение языков региона довольно велико. Здесь и *бахур* (bachúras, bakùras) 'парень', *хебра* (chébra) 'компания' – проникшие во все литовские говоры, и говоры старо-

обрядцев (вернее всего – через польский)⁴⁰, и многочисленные литуанизмы в идише. Сюда же можно добавить староверческое *школа* с основным значением 'еврейский молитвенный дом, синагога'⁴¹. Впрочем, это требует отдельного разговора.

Примечания

¹ Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, приводятся собственные записи автора статьи, сделанные в рамках летней экспедиции Центра «Сэфер» 2013 г.

² Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos dialektologija. Vilnius, 1966. P. 446.

³ В следующих примерах, как и в этом, названия населенных пунктов постоянно варьируются, даже в речи одного человека; это верно и для литовского, и для русского, и для идиша, поэтому для карты был выбран один из возможных вариантов.

⁴ Lietuvos gyventojai. Pirmoji 1923 m. rugsėjo 17 d. visuotino gyventojų surašymo duomenys. [Б.м.] P. 19. Насколько точны данные этой переписи – не ясно. Из нескольких интервью, например, известно, что в Биржае жили караимы и об это же пишет Б. Каган (*Kagan B. Jidiše štet, štetlex un dorfiše jišuvim in Lite biz 1918*. NY, 1991. Z. 46), но перепись их не упоминает, в графе «прочие» стоит прочерк.

⁵ В ходе работы экспедиции было записано только одно интервью с местным поляком.

⁶ *KaceneInbogen U. Majn eršte nesije iber Zamet // Lite*. В. 1. NY, 1951. К. 1236–1237. Здесь и далее ссылки на идишские источники ради единообразия даются в «советской» (а не «вайнрайховской») транслитерации, а примеры – в совпадающей с ней лингвистической транскрипции; это может доставить читателю неудобство, однако, меньшее, чем при других решениях.

⁷ *Frank H. Zamut un ir jidn // Lite*. В. 2. Tel-Aviv. 1965. Z. 63–71. Цит. по англ. переводу: «Zamut and her jews» [Электронный ресурс] URL: <http://www.jewishgen.org/yizkor/lita2/lita2.html> (Дата обращения: 12.01.2014).

⁸ Ethnicity, mother-tongue and religion / Tautybė, gimtoji kalba ir tekibė. P. 168. Данные переписи населения 2011 года с официального статистического портала: [Электрон-

ный ресурс] URL: http://www.stat.gov.lt/documents/10180/1680046/Tautybe_gimtoji_kalba_ir_tikyba.pdf (дата обращения: 12.01.2014).

⁹ Пристрастная польская карта 1929 г. показывает в Биржайской области 15% польского населения, т.е. относительно этой карты – весьма мало, см.: *Mapa rosziedlenia ludności polskiej na terenie Litwy* [Электронный ресурс] URL: http://www.karty.by/wp-content/uploads/2014/01/Mapa_rozsziedlenia_ludno%C5%9Bci_polskiej_na_terenie_Litwy_w_1929.jpg (дата обращения: 12.01.2014).

¹⁰ Слово это фиксируется в литовском, польском, белорусском, в русских смоленских говорах (Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Под ред. Г.А. Цыхун. Т. 1. Мінск, 1978. Т. 1. С. 300) и везде буквально значит 'пузан' и т.п. Значение 'реформат' (также фиксируемое диалектными словарями, см.: *Lietuvių kalbos žodynas*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lkz.lt/startas.htm> (дата обращения: 12.01.2014)), известно только литовскому и польскому языкам, из чего понятно, что оно возникло как результат сближения по созвучию *bumbiza* и *baptistas*, т.е. народная этимология – уже хотя бы потому, что в значении 'протестантский священник, министр' слова *bambiza*, *bambizina* фиксировались в польском, где другого значения не имели (*Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1985. L. 30. (1-е изд. – 1927.)).

¹¹ Таким образом, и жемайтийка в глазах староверки-свекрови – не вполне католичка.

¹² *Leiši* (ед. ч. *leitis*) – старое латышское название литовцев, в XIX в. употреблявшееся в качестве основного (подробнее о нем и национальных стереотипах литовцев у латышей см.: *Muktupāvela R. «Brolių tautų» mitas neformaliosios komunikacijos kontekste // Istorinės realybės ir mitai nacionalinėse kultūrose: dabarties vizija*. (Kultūrologija. Т. 17) Vilnius, 2009. P. 248.), однако уже в начале XX в. словарь

определяет его как оскорбительное (*Miilenbahs K. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Riga, 1925–1927. B. II. S. 447*).

¹³ Зап. в Федаришках, от жен., 1935 г.р.

¹⁴ *Zamut L. Nemen un cunemen fun štet un štetlex in Lite // Jidiše šprax. 1944. Bd. IV, № 1. Z. 99.*

¹⁵ Слово *rosl*, скорее всего, означает здесь не хлебный квас и не огуречный рассол, а «свекольный уксус» (забродивший свекольный сок), на котором готовят литовский борщ (*Fajbnerg L. A lejster rasejner verter // Jidiše šprax. 1947. Bd. VII. Z. 74.*); прозвища по еде или кухне характерны для еврейской этнографии в целом, так молдавских евреев прозывали «мамалыгой».

¹⁶ *Zamut L. Nemen un cunemen fun štet un štetlex in Lite... Z. 103–104.*

¹⁷ Lietuvos giventojai. Pirmoji 1923 m. rugsėjo 17 d. visuotino gyventojų surašymo duomenys. [Б.м.] P. 19.

¹⁸ *Kagan B. Jidiše štet, štetlex un dorfiše jišuvim in Lite biz 1918. NY, 1991. Z. 44.*

¹⁹ *Jacobs N.G. Yiddish in the Baltic Region // Circum-Baltic Languages: Typology and Contact. Amsterdam, 2001. P. 287.*

²⁰ *Ibid. P. 295.*

²¹ *Lemchenas Ch. Lietuvių kalbos įtaka Lietuvos žydų tarimei. Lietuviškieji skoliniai. Vilnius, 1970. P. 46. Mark J. Unzer litvišer jidiš // Lite. B. 1. NY, 1951. K. 442.*

²² *Mark J. Op. cit. K. 429–430.* Тут есть некоторое преувеличение, поскольку статья писалась сразу после Катастрофы. Трудно представить, чтобы «столь общительный народ», по словам Лемхена, ограничивался идишем и литовским. Тем более это касается Биржая, в котором была большая корпорация еврейских шарманщиков (на идише *katerinščikes*, а по-биржайски – *lojer-lejt* 'бродяги'), целый год странствовавших по Литве с белыми мышками, попугаями, обезьянками, медвежатами. К еврейскому Новому году они возвращались в Биржай и на Симхес-Тойре торжественно вносили старого рабина в бейс-мидраш (*Kacnelnbogen U. Majn eršte nesije iber Zamet // Lite. B. 1. NY, 1951. K. 1223*). В противовес мнению Юлда Марка можно указать на примеры из наших интервью, а также упомянуть о Ковенской еврейской (hebraiše) гимназии, где иврит занимал существенное место в программе (см. интервью с Вольпе А. в Holocaust Oral History Collection. Балтийская коллекция этого архива, интервью, записанные в 1960–1970-е гг. в Израиле от выходцев из Литвы, Латвии, Эстонии и пр., – самое большое доступное собрание аудиоматериалов по балтийскому идишу. Я крайне благо-

дарен С.Н. Амосовой, указавшей мне на него. Далее ссылки на материалы этого архива приводятся с указанием на номер коллекции, номер интервью и, после двоеточия, на страницу расшифровки и минуту звукозаписи. Так, упоминаемый рассказ Вольпе можно найти на сайте youtube.com в НОНС (12) 7: С. 57(1:57)).

²³ *Vajnrax M. Dos kurlander jidiš // Štaplen: fir etjudn cu der jidišer špraxvisnšaft un literatur. Berlin, 1923. Z. 195.*

²⁴ *Lemchenas Ch. Op. cit. P. 22.*

²⁵ *Ibid. P. 46.*

²⁶ *Katz D. Litvish: an Atlas of Northeastern Yiddish. [Электронный ресурс] URL: http://www.dovidkatz.net/i_4yatl.htm (дата обращения 15.02.2014).*

²⁷ *Lemchenas Ch. Op. cit. P. 32–39; Jacobs N.G. Op. cit. P. 290.* Новейший общий обзор см. в: *Peltz R. The Sibilants of Northeastern Yiddish: a Study in Linguistic Variation // EYDES. 2008. P. 241–274.*

²⁸ Происхождение «сабседикер лосн» – предмет жарких и давних споров в лингвистической среде. Единственное в чем согласны все, от Лемхена до Джейкобса, так это в том, что с балтийскими языками это явление никак не может быть связано. Такой взгляд кажется странным ввиду того, что большая часть балтийских евреев жила недалеко от границы литовского и латышского языков и границу эту регулярно пересекала (как видно из примеров). Между тем, литовское [š] имеет в латышском регулярное соответствие в [s], что не может не наводить на соответствующие мысли.

²⁹ *Herš L. A pekl verter un ojsdruk fun Pilvišek // Jidiše šprax. 1944, Bd. IV, № 2. Z. 51.*

³⁰ *Lemchenas Ch. Op. cit. P. 30.*

³¹ Интервью с Э. Раппопортом из г. Укмярге (НОНС (12) 20), интервью с Б. Гербом из г. Салантая (НОНС (12) 170).

³² Интервью с З. Кацем из г. Панделиса (НОНС (12) 54: С. 1 (0:01)).

³³ *Zamut L. Op. cit. Z. 97; Mark J. Op. cit. K. 438.*

³⁴ То, что в деталях смесь всегда более сложна, можно видеть по одному названию осеннего праздника, которое Шефтель произносит как *Шу́ком*. Здесь присутствуют местное (ашкеназское) ударение на предпоследнем слоге, современное израильское окончание (ашкеназская форма была бы *Су́кес*), и диалектная замена [с] на [ш].

³⁵ *Mark J. Op. cit. K. 432.*

³⁶ *Jacobs N.G.* Op. cit. P. 294–295.

³⁷ Граница заметер-идиш и стам-литвиш дана по «хлебной изоглоссе» (breut/brejt ‘хлеб’) (*Mark J.* Op. cit. К. 441) Нужно учитывать, что это линия (воображаемая вертикаль от поворота реки Невежис до границы) дается, скорее всего, на начало 1920-х гг. – раньше или позже данные могут быть другими. Во всяком случае, интервью 1960–1970 гг., взятые у тех, кому в 1941 г. было 16-18 лет, показывают, что именно слово «хлеб» выходцы из северной Литвы чаще произносят как *brojt* (сохраняя при этом произношение *lejfn, šejn, ejx, ejgn* и т.д.). Границы литовских говоров даются по *Zinkevičius Z.* Op. cit. P. 446. Граница Земгалии и Аугземе даются по широкому кругу источников, например, по «Хронике Ливонии» (Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Л., 1938), где представлены исторические зоны расселения земгалов и селов в XII в., и по современной карте, где эта граница полностью совпадает с актуальным разделением областей центральных и верхнелатышских диалектов (*Balode L., Holvoet A.* The Latvian Language and its Dialects // *Circum-Baltic Languages: Typology and Contact.* Amsterdam, 2001. P. 4).

³⁸ *Mark J.* Op. cit. Z. 83–94; *Jacobs N.G.* Op. cit. P. 291–294, его же Northeastern Yiddish Gender-Switch: Abstracting Dialect Features Regionally // *Diachronica.* 1990. Vol. 7. P. 69–

100. Впрочем, нужно оговориться, что утрата среднего рода в балтийском идише – это, главным образом, переход существительных в единственном числе от трех артиклей к двум (во мн.ч. артикль один на все три рода), что, при системе из всего трех падежей, выглядит на фоне славянских, балтийских и прибалтийско-финских падежных систем не такой уж большой утратой.

³⁹ *Сивицкене М.К.* Об особенностях родового оформления имен существительных в русских говорах Литовской ССР // Труды прибалтийской диалектологической конференции 1968 г. Тарту, 1970. С. 61–76.

⁴⁰ *Немченко В.Н., Сеница А.И., Мурникова Т.Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики // Ученые записки Латвийского Государственного университета. Т. 51: Филологические науки. Вып. 8А. Рига, 1963. С. 26, 335.

⁴¹ *Немченко В.Н.* Говор старожилов Йонавского района Литовской ССР. Дисс. ... к.ф.н. Вильнюсский ун-т. Вильнюс, 1960. С. 611. В литовских диалектах слово *škalà* фиксируется и в значении еврейского молитвенного дома, и в значении собственно школы (*Lietuvių kalbos žodynas.* [Электронный ресурс] URL:<http://www.lkz.lt/startas.htm> (дата обращения: 14.02.2014)).